

ХУГО

БЕГСТВО ИЗ ВРЕМЕНИ

Бялль

Хуго Балль

Бегство из времени

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69189823

Бегство из времени: Книгократия; Москва; 2022

ISBN 978-5-6048540-1-3

Аннотация

Дневник одного из основателей дадаизма, немецкого писателя Хуго Балля (1886-1927), опубликованный им незадолго до смерти, знакомит с духовной атмосферой Европы 1910-х гг. и показывает, как неожиданно сочетаются в интеллектуале католические и либерально-пацифистские взгляды. Богатый культурный багаж Балля, его оригинальные суждения на разные темы и уйма упомянутых в книге персоналий делает её занимательной для германистов, историков литературы и искусства, а бытовые и юмористические зарисовки, чередующиеся с размышлениями о судьбах Европы и России – для широкого читателя.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Часть первая	7
Прелюдия – Декорации на заднем плане	7
1914 г.	28
Берлин, ноябрь	28
25. XI	30
4. XII	33
12. XII	37
13. XII	39
14. XII	40
1915 г.	41
Новый Год	41
12. II	42
11. IV	42
22. IV	43
12. V	45
Цюрих, 29. V.15	46
11. VI	47
13. VI	49
15. VI	50
16. VI	52
17. VI	54
20. VI	55
21. VI	56

26. VI	58
30. VI	58
1. VII	59
3. VII	60
8. VII	63
9. VII	64
14. VII	65
16. VII	66
28. VII	66
31. VIII	67
IX	69
15. IX	70
18. IX	70
20. IX	71
25. IX	71
Цюрих, X.1915	73
3. X	74
4. X	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Хуго Балль

Бегство из времени

Hugo Ball

Die Flucht aus der Zeit

* * *

© ООО «Книгократия», 2022

* * *

Часть первая

*Frontosus esto, prorsus frontosus esto. Quid times
fronti tuae, quam signo crucis armasti?
Augustinus¹*

Прелюдия – Декорации на заднем плане

Мир и общество в 1913 году представляются такими: жизнь вконец запутана и закована в цепи. Господствует своего рода экономический фатализм и каждому – протестуй, ни протестуй – предписывает определённую функцию (и, тем самым, интересы) и характер. Церковь считается «институтом спасения» посредственной значимости, литература – предохранительный клапан, чтобы «выпускать пар». Неважно, как мы пришли к этому состоянию – оно есть, и никому от него не уйти. Следствия невесёлые, например, в случае войны. Народные массы тогда будут вынуждены ограничивать рождаемость. Но самый сокровенный вопрос дня и но-

¹ «Иди направо, прямо направо. Чего же стесняешься своего открытого чела, которое вооружил ты знаком креста?» (Латинская цитата из бесед святого Августина о псалмах, посвященная стиху 8-му из псалма 68-го: «Ибо ради Тебя несущее поношение, и бесчестьем покрывают лице моё»).

чи таков: есть ли где-нибудь власть, сильная и, прежде всего, достаточно живая, чтобы такому состоянию положить конец? И если нет, то как от него отделаться? Разум можно «настроить» и приспособить. Но можно ли успокоить человеческое сердце, чтобы его порывы поддавались расчёту? В своё время Ратенау² уже писал «Критику времени»; правда, так и не найдя решения. Он лишь со всей отчётливостью констатировал размах этого явления. «С экономическими и политическими предложениями, какие Ратенау развил в конце своей книги, – так я пометил себе тогда, – этого уже не сделать. Настоятельно необходимо объединиться всем тем, кто хочет уйти из бездушного механизма. Это форма жизни, враждебная и ни на что не годная. Безотчётная готовность отдаться всему, что враждебно пользе и удобству».

* * *

Йоханнес В. Йенсен (в «Новом мире»³) тоже призывал тогда громогласно: «Дайте простор массам! Мы живём в великий век демократии». Давайте же петь гимны этому вре-

² Вальтер Ратенау (1867–1922) – немецкий промышленник и политик, несколько месяцев в 1922 г., вплоть до убийства боевиками из праворадикальной организации «Консул», занимавший пост министра иностранных дел. Речь идёт о его книге «К критике нашего времени» (1912). (Здесь и далее примечания научного редактора, если не указано иного.)

³ Книга датского писателя, лауреата Нобелевской премии Йоханнеса Вильгельма Йенсена (1873–1950), вышедшая в 1908 г.

мени (эпохе машин), желанному во всех отношениях. Попробуем высвободить *его особенный задор*. «Техника против мифа», – гласил тогдашний жёсткий и грозный лозунг. На смену мифу напрашивается: возрождение телесного в античном понимании: спорт, охота, движение. Разлад между техникой и мифом, между машиной и религией надо решительно устранить, отдав предпочтение патентованным достижениям техники.

* * *

Мюнхен, лето 1913-го года. Нет стройной картины индивидуальных и общественных ценностей. Книга законов Ману⁴ и католическая церковь знавали когда-то другие градации, нежели те, что преобладают сегодня. Кто ещё знает, что такое добро и что такое зло? Нивелирование ценностей – это конец мира. Может, где-то есть маленький остров в спокойном океане, ещё неприкосновенный; куда наши муки ещё не проникли. Ещё немного – и его тоже не станет.

* * *

Современная некрофилия. Вера в материю – это вера в смерть. Триумф религии такого рода – ужасное заблуждение.

⁴ Древнеиндийский свод законов.

Машина придаёт мёртвой материи некую видимость жизни. Она приводит материю в движение. Она – привидение. Она связывает материи между собой и при этом выказывает некий разум. То есть она есть систематически работающая смерть, которая симулирует жизнь. Она лжёт ещё очевиднее, чем всякая газета, отпечатанная этой машиной. Кроме того, непрестанно подсознательно воздействуя на естественный человеческий ритм, она его уничтожает. Кто выдержит на такой машине всю жизнь, тот либо должен быть героем, либо будет ею разрушен. От таких существ уже нельзя ожидать спонтанного волнения. Проход по каторжной тюрьме не так страшен, как проход по шумящему залу современной типографии. Зверский грохот, вонючие жидкости. Все чувства направлены на дьявольское, чудовищное и в то же время призрачное.

* * *

Из духовного мира образовать живой организм, который реагирует на малейшее давление.

* * *

В 1910–1914 годах театр представлял для меня всё: жизнь, людей, любовь, мораль. Театр означал для меня непо-

стижимую свободу. Моим сильнейшим впечатлением такого рода был поэт, служивший олицетворением жуткого, циничного спектакля: Франк Ведекинд⁵. Я видел его на многих репетициях и почти на всех его пьесах. Все его усилия в театре сводились к тому, чтобы растворить в Ничто и последние остатки некогда прочной и устойчивой цивилизации и себя самого. Ещё помню дорогого Герберта Ойленберга⁶, с чьего благословения и с чьими пожеланиями счастья я уехал в Берлин в 1910 или 1911 году. Тамошний запад показался мне восточным городом⁷, и я изо всех сил пытался приспособиться. С тех пор меня часто принимали за еврея, и я не мог отрицать, что берлинский «восток» был мне симпатичен.

* * *

Картины окружающего около 1913 года. Новая жизнь выражает себя в живописи больше, чем в любом другом искусстве. Здесь уже наступил визионерский адвент⁸. У Гольца⁹ я видел картины Хойзера¹⁰, Мейднера¹¹, Руссо¹² и Явлен-

⁵ Франк Ведекинд (1864–1918) – немецкий поэт и драматург, предшественник экспрессионизма. (Прим. переводчика.)

⁶ Герберт Ойленберг (1876–1949) – немецкий писатель. (Прим. переводчика.)

⁷ Берлин находится на северо-востоке Германии, восточнее города Мюнхена (в Южной Германии).

⁸ От *adventus* – «приход», т. е. время ожидания прихода Спасителя. (Прим. переводчика.)

⁹ В художественной галерее немецкого коллекционера искусства Ганса Гольца

ского¹³. Они иллюстрировали фразу: *primum vivere, deinde philosophari*¹⁴. В них, без обходных путей разума, достигнута самая суть жизни. Интеллект как порочный мир был исключён. Проступали райские ландшафты. Картина окружающего всячески пыталась разорвать все рамки, столь мощно она шла вперёд. Казалось, являли себя большие вещи. Радость от их лицемерия могла служить признаком их силы. Живопись, казалось, хотела снова родить божественное дитя на свой манер. Не напрасно она столетиями преклонялась перед сказанием о матери и младенце¹⁵.

* * *

Когда Гаузенштейн писал: «Истинная и высшая природа, природа художника, всегда была для *нехудожника* гримасой, художник же трепещет перед её неприютностью»¹⁶, мы ис-

(1873–1927).

¹⁰ Генрих Хойзер (1887–1967) – немецкий художник.

¹¹ Людвиг Мейднер (1884–1966), немецкий экспрессионист, художник и графёр. (*Прим. переводчика.*)

¹² Анри Руссо (1844–1910) – французский художник-самоучка, писавший в жанре примитивизма.

¹³ Алексей Явленский (1864–1941) – русский художник-экспрессионист, жил и работал в Германии. (*Прим. переводчика.*)

¹⁴ «Прежде жить, а уж затем философствовать». (*Прим. переводчика.*)

¹⁵ Богоматери и Иисусе.

¹⁶ Цитата из книги немецкого писателя и художественного критика Вильгельма

пытывали чувство чего-то несусветного, демонического, рокового. Тогда мы видели и искали «мир масок строгой формы», которых пугались и с которыми могли кротко смириться, веря – в этом мире таится смысл и всяческий преизбыток чувства.

* * *

Однажды мне даже дали поставить спектакль как режиссёру. Для радивого молодого человека это очень трудно. Актёры, если они личности, всё знают лучше режиссёра, и его задача, собственно, может состоять лишь в том, чтобы найти для них роли и давать общие директивы. И я предложил свободным студентам к 50-летию Гауптмана «Гелиос»¹⁷. Сколь важным мне это тогда казалось! А сегодня я забыл всё, о чём идёт речь в этом маленьком мифе о солнце. С тех пор я часто встречался с Гансом Лейбольдом¹⁸, молодым гамбургцем, и театр отступил на второй план перед новейшей литературой.

Гаузенштейна (1882–1957) «Изобразительное искусство современности: Живопись, пластика, рисунок» (1914).

¹⁷ Драматические фрагменты из одноимённого собрания «Мифологических стихов для сцены» (1912) пера немецкого драматурга Герхарда Гауптмана (1862–1946). Под «Гелиосом» (античным божеством Солнца) не имеется в виду знаменитая пьеса Гауптмана «Перед восходом солнца» (1889).

¹⁸ Ганс Лейбольд (1892–1914) – немецкий поэт-экспрессионист, оказавший большое влияние на Балля. (*Прим. переводчика.*)

Нет, ещё мы играли «Волны» Франца Блея¹⁹, с билетами по неслыханным ценам. В публике сидела элита Мюнхена. Автор пьесы так ловко изобразил героя, СпаVENTO, в моей маске, что и за сценой меня путали со СпаVENTO. В перерыве между репетициями он представил мне Карла Штернхайма²⁰ – маленького человечка, поразительно подвижного. Из актёров ещё помню Карла Гётца²¹. О нём одном следовало бы написать целую книгу. Когда он играл Кренкебиля в одноимённой пьесе Анатоля Франса²², партер вставал с мест от волнения и благоговения. «Нищий» Рейнхольда Зорге²³ был пьесой, которую я очень любил и которую то и дело предлагал к постановке, но никто не верил, что она пройдёт публике.

¹⁹ Пьеса немецкого драматурга Франца Блея (1871–1942), поставленная в 1912 г.

²⁰ Карл Штернхайм (1878–1942) – немецкий драматург, экспрессионист. (Прим. переводчика.)

²¹ Карл Гётц (Перл, 1862–1932) – австрийский актёр театра и кино.

²² Пьеса по одноимённому рассказу (1901) Анатоля Франса (1844–1924), повествующая о жертве судебной ошибки и полицейского произвола.

²³ Имеется в виду Рейнхард Зорге (1892–1916), немецкий писатель и драматург, автор драмы «Нищий». (Прим. переводчика.)

Наши журналы назывались: *Der Sturm* («Буря»), *Die Aktion* («Действие»), *Die Neue Kunst* («Новое искусство») и, наконец, уже осенью 1913 года, *Die Revolution* («Революция»). Заголовок последнего из них печатался на газетной бумаге недвусмысленно красным цветом, под заголовком узкая гравюра Зеевальда²⁴ с покосившимися домишками. Задумка была скорее стилистическая, чем политическая; о политике большинство сотрудников и особенно редактор, друг Л.²⁵, не имели понятия. Тем не менее первый номер газеты был конфискован, а во втором номере появилось моё письмо о театральной цензуре. Я тогда живо съездил в Дрезден и написал заявление на руководство театром. Эта экскурсия была довольно интересной. В Хеллерау²⁶ я посмотрел постановку «Благовестие Марии» Клоделя²⁷ и услышал лекцию Хегнера²⁸ для узкого круга о тогда ещё новом французском поэте

²⁴ Рихард Зе[е]вальд (1889–1976) – немецкий художник и иллюстратор.

²⁵ Вышеупомянутого Ганса Лейбольда (1893–1914), издававшего с Баллем журнал «Революция».

²⁶ Живописный район Дрездена, где находился основанный швейцарским композитором Эмилем Жак-Далькросом (1865–1950) Институт музыки и ритма, ныне известный как Фестивальный театр Хеллерау.

²⁷ Пьеса французского поэта и драматурга Поля Клоделя (1868–1955), опубликованная в 1912 г. Вторая редакция пьесы вышла в 1948 г.

²⁸ Якоб Хегнер (1882–1962) – немецкий издатель, переводчик. (Прим. перевод-

и консуле²⁹. Никто не мог говорить о нём с бóльшим пиететом и знанием, чем Хегнер, который был одновременно и его переводчиком, и издателем.

* * *

Дрезден был тогда вообще очень оживлённым. Я в ту же поездку посмотрел там коллективную выставку: Пикассо и первые картины футуристов. Там были: «Погребение анархиста Галли» Карра³⁰; «Революция» Руссоло³¹; «Танец панпан в Монико» Северини³² и «Власть улицы» Боччони³³. Моя восторженная статья об этом должна была выйти в номере 4-м или 5-м.

чика.)

²⁹ Клодель был дипломатом по образованию и в это время работал в консульстве Франции в Гамбурге.

³⁰ Карло Карра (1881–1966) – итальянский художник-футурист. (*Прим. переводчика.*)

³¹ Луиджи Руссоло (1885–1947) – итальянский художник-футурист. (*Прим. переводчика.*)

³² Джино Северини (1883–1966) – итальянский художник-футурист. (*Прим. переводчика.*)

³³ Умберто Боччони (1882–1916) – итальянский художник, скульптор и теоретик футуризма. (*Прим. переводчика.*)

* * *

Оскар Уайльд завещал нам убеждение, что на *common sense*³⁴ надо всегда и любой ценой нападать. В его случае это было английское пуританство и само собой разумеющаяся банальность. В нашем случае – совсем иное. Беспробудное мертвенное почивание, может быть, выдавшее себя за нечто отвлечённое и ах какое разумное; котирование вещей по указке сверху благоговейно взиравшее только на послушное «сглаживание углов».

* * *

Казалось, будто философия перешла к художникам; будто от них исходили новые импульсы. Будто они были пророками возрождения. Когда мы говорим «Кандинский» или «Пикассо», мы имеем в виду не художников, а жрецов; не ремесленников, а творцов новых миров, нового рая.

* * *

Но время стало с яростью выслеживать всё особенное, индивидуальное и устранять его как некую преграду. «Разру-

³⁴ Здравый смысл (англ.). (Прим. переводчика.)

шительное, растлевающее крадущее время. Кто не предлагает себя сам, того изнасилуют. Неслыханное возникновение и упадок наличных сил, их взаимная игра». (Февр. 1914 года)

* * *

То была эпоха «занятого» и сплетен. *Психологическая* эпоха какого-то лакейства. Люди стояли, прислонив уши к дверному косяку природы. И даже самые возвышенные тайны вынюхивались и разузнавались. *Вникни и учуй* – вот были ключевые слова времени. То было ползучее, крадущееся время, ведь душевная жизнь как *высшее измерение* всегда является признаком поколения *донельзя человеческого*. Так или иначе, без «душевного» не обойтись, но нужно было бы *идти дальше*, оставляя его позади. В такое время решает дело не «правда», а то, *к чему она и на каком основании*. Разве можно найти знатока душевной жизни, который мог бы удовлетвориться всего одной правдой? Он знает сотню разных правд, и любая из них ему так же истинна, как и другая.

* * *

Кто играет свою игру, может исходить лишь из одной точки зрения: что есть живое и что мёртвое? О Германия, отечество и родина-мать! В тебе полно разных лиг и союзов, и

ты – мумия под покровом разных народов. Все в тебе идут своей дорогой и тащат за собой свои трупы. Как может разрешиться игрой полунамёков *то*, что противится всякому изменению, усвоению нового и обратной связи?

* * *

Теперь, когда с театром всё, и он для меня закрыт, меня занимают отношения многих тогдашних гениев с мимикой и позой. Мимическая основа личности дает ей постоянную свободу, но опасного рода. Кто может преображаться, для того и существенное становится предметом игры. Гению свойственна театральность интуиции, то многообразие отражения, из которого приходят мысли. Отсюда неустойчивая подвижность его пола, а именно способность произвольно менять в себе местами поле зрения мужчины и женщины. Берущие отсюда начало волнующе вольные познания доступны для изучения теперь каждому, став народным достоянием. Между тем, двуполость – лишь часть изменчивого общего строя [артиста]; сам он имеет более глубокие причины. Сколько бы их ни существовало, ясно одно: люди, которые в корне закоснели и затвердели, которые больше не могут меняться и превращаться, перестают производить мысли и быть продуктивными.

Мюнхен тогда принимал у себя в гостях художника, который одним своим присутствием делал его более продвинутым в «модернизме», чем другие немецкие города: Василия Кандинского. Можно считать такую оценку преувеличенной, но так я тогда это ощущал. Что может быть для города лучше и прекраснее, чем приютить человека, достижения которого являются благороднейшими живыми предписаниями? Когда я познакомился с Кандинским, он как раз опубликовал книгу «О духовном в искусстве». А вместе с Францем Марком³⁵ он выпустил «Синий всадник»³⁶. Это две программные книги, с которыми он основал экспрессионизм, впоследствии выродившийся. Многообразие и искренность его интересов удивительны; ещё больше была возвышенная тонкость его эстетической концепции. Его занимала перспектива возрождения общества благодаря объединению всех художественных средств и сил. Не было такого рода искусства, где он пробовал себя и не открыл бы новых путей, не обращая внимания на насмешки и непонимание. Слово, краски и звук жили в нём в редком единении, и он умел явить поразительное в до-

³⁵ Франц Марк (1880–1916) – немецкий живописец, участник и один из главных организаторов объединения «Синий всадник». (Прим. переводчика.)

³⁶ Книга Василия Кандинского «О духовном в искусстве» (1911) и альманах «Синий всадник» (1912), подготовленный им совместно с Марком.

ступном, понятном и естественном виде. Но его конечной целью было не только создавать произведения искусства, но представлять искусство как таковое. Он стремился в каждом отдельном проявлении служить образцом, ломать традиции и доказывать, что мир всё ещё молод, как в первый день творения. Наша встреча не могла не состояться, и я по сей день сожалею, что нас разлучила война, когда мы как раз объединились для одного проекта особого рода.

* * *

Когда в марте 1914-го года я обдумывал план нового театра, я был убеждён: у нас нет сцены, где поистине движут людьми страсти; экспериментального театра по ту сторону повседневных интересов. Европа рисует, музицирует и сочиняет по-новому. Необходимо слияние всех оживляющих идей, не только искусства. Один лишь театр в состоянии сформировать новое общество. Требуется только оживить, извлечь из подсознания фон – краски, слова и звуки – так, чтобы они поглотили повседневность вместе с её убожеством.

* * *

Если принимать во внимание вес и размах нашего дела,

выбор может пасть только на «художественный театр». В выставочном парке стояло театральное здание, словно специально предназначенное для нашей цели. В нём попыталось счастья постаревшее поколение художников. Проще всего было заручиться симпатией этого пожилого поколения и попросить власть передать это помещение для наших более новых, более молодых целей. Обсуждение состоялось в Доме искусств³⁷. Визиты к профессору Хаберману³⁸, Альберту фон Келлеру³⁹, Штадлеру⁴⁰ и Штуку⁴¹, казалось, были благоприятны для плана. Призыв, подписанный обоими поколениями и многими сторонниками дела, появился в прессе. Дело, как будто, было только за финансами и за волей выставочного руководства.

* * *

Мы встречались у госпожи Селенки⁴², приятной дамы,

³⁷ Мюнхенский *Künstlerhaus*. (Прим. переводчика.)

³⁸ Хуго фон Хаберман (1849–1929) – немецкий художник. (Прим. переводчика.)

³⁹ Альберт фон Келлер (1844–1920) – немецкий художник. (Прим. переводчика.)

⁴⁰ Тони Штадлер (1888–1982) – немецкий художник, скульптор. (Прим. переводчика.)

⁴¹ Франц фон Штук (1863–1928) – немецкий художник и скульптор. (Прим. переводчика.)

⁴² Маргарете Селенка-Хейнеман (1860–1922) – немецкий антрополог и палеонтолог, работала на острове Ява. Более известна как феминистка и пацифистка.

немного в годах. Она знавала ещё Бисмарка и переводила японские рыцарские пьесы. Услужливые азиаты, которые там крутились, предлагали записать на граммофонные пластинки её давнишнюю музыку для театра, и я помню, что мы сообща сочиняли письмо в Токио и читали статью Келлермана⁴³ о японском театре. Я делал доклад о наших идеях в «Восточно-Азиатском обществе»⁴⁴ и имел счастье снискать некоторую долю аплодисментов.

* * *

Экспрессионистский театр, так гласил мой тезис, является замыслом «фестивальным» и содержит новую концепцию синтетического искусства. Художественная форма современного театра – импрессионистская. Процессы обращены к отдельной личности, к рассудку. Подсознательное не будет искажаться. Новый театр снова станет использовать маски и котурны. Он должен будить прообразы и использовать рупоры. Над сценой будут двигаться солнце и луна, возвещающая свою высшую мудрость. Где-то я даже писал о контрасте старого и юного, и о Мюнхене как городе искусств.

⁴³ Бернхард Келлерман (1879–1951) – немецкий писатель и поэт. (*Прим. переводчика.*)

⁴⁴ Немецкого общества по изучению искусства Восточной Азии, выпускавшего в 1912–1922 гг. собственный журнал. (*Прим. переводчика.*)

С мюнхенским театром «Каммершпиле» меня связывало множество добрых чувств. Не в последнюю очередь из-за того обстоятельства, что при его крещении именно я подобрал ему имя. Когда я в [1911 году] поступил туда, театр под руководством Роберта⁴⁵ был накануне краха. Он стоял на пороге закрытия. В немалой степени мои коммерческие познания позволили мне там закрепиться. Тогдашний «Театр комедии» тщеславно тягался в вопросах вкуса даже с Парижем и театром «Гран-Гиньоль». Я ушёл от Рейнхардта⁴⁶ и был под впечатлением его постановок в цирке и в камерном театре. Но Кандинский познакомил меня с Томасом фон Гартманом⁴⁷. Тот приехал из Москвы и рассказывал много нового о Станиславском: как там играют Андреева и Чехова под влиянием индийских этюдов. Это было иначе, шире, глубже, чем у нас, да и новее, и это много способствовало расширению моего кругозора и моих требований к современному театру.

⁴⁵ Ойген Роберт Вайс (1877–1944) – немецкий театральный импресарио и режиссёр. (Прим. переводчика.)

⁴⁶ Макс Рейнхардт (1873–1943) – немецкий театральный актёр и режиссёр. (Прим. переводчика.)

⁴⁷ Томас фон Гартман (Фома Александрович Гартман, 1885–1956) – русский композитор. Известен также сотрудничеством с Гурджиевым и воспоминаниями о нём, переведёнными на русский язык.

Теоретически художественный театр должен был выглядеть следующим образом:

Кандинский – Синтетическое искусство

Марк – Оформление сцены к «Буре»⁴⁸

Фокин⁴⁹ – О балете

Гартман – Анархия музыки

Пауль Клее⁵⁰ – Эскизы к «Вакханкам»⁵¹

Кокошка⁵² – Сцены и драмы

Балль – Экспрессионизм и театр

Евреинов⁵³ – О психологическом

Мендельсон⁵⁴ – Архитектура сцены

Кубин⁵⁵ – Эскизы к «Блохе в крепости»⁵⁶

⁴⁸ Пьеса Шекспира.

⁴⁹ Михаил Фокин (1880–1942) – русский артист балета, хореограф. (*Прим. переводчика.*)

⁵⁰ Пауль Клее (1879–1940) – немецкий авангардный художник и график, в ранний период – экспрессионист.

⁵¹ Пьеса Эврипида.

⁵² Оскар Кокошка (1886–1980) – австрийский писатель, художник-экспрессионист. (*Прим. переводчика.*)

⁵³ Николай Евреинов (1879–1953) – русский режиссёр, драматург, историк театра. (*Прим. переводчика.*)

⁵⁴ Эрих Мендельсон (1887–1953) – немецкий архитектор. (*Прим. переводчика.*)

⁵⁵ Альфред Кубин (1877–1959) – австрийский писатель, график, книжный ил-

* * *

«Дилетанты чуда» Карла Эйнштейна⁵⁷ наметили путь.

* * *

В последний момент, когда уже началась война, 29-го июля я получил почтовый пакет с французской лирикой. Там были стихи: Барзуна⁵⁸, Андре Спира⁵⁹, Дерема⁶⁰, Маринет-

люстратор. (*Прим. переводчика.*)

⁵⁶ Гротесковый роман немецкого писателя и сценариста Роберта Форстера – Ларринаги (1880–1932), вышедший в 1916 г.

⁵⁷ Роман немецкого писателя, искусствоведа и художественного критика Карла Эйнштейна (1885–1940) «Бебюкин, или Дилетанты чуда» (1912).

⁵⁸ Анри-Мартин Барзун (Барзен, 1881–1973) – французский поэт и теоретик искусства. Основатель и видный участник художественной коммуны «Кретьеское аббатство», располагавшейся в особняке на берегу Марны, где часто бывал Маринетти. Редактор журналов «Социальное искусство» (1905–1906) и «Поэма и драма» (1911–1914). В 1917 г. уехал в США с рабочим визитом и, забрав туда жену и сына (впоследствии видного американского культуролога Жана Барзуна, 1907–2012), прожил там до конца дней. Основал в Нью-Йорке центр искусств и экспериментальный театр новой драмы. Главным поэтическим трудом Анри Барзуна была «Орфеида или Всеобщая поэма» (1913–1933), отрывки из которой опубликованы в 1913 и 1930 гг. Автор двухтомного панорамного обзора искусства первой половины-середины XX в. «Орфей» (1960, 1962).

⁵⁹ Андре Спир (1868–1966) – французский поэт и писатель, с 1904 г. – идеолог сионизма, автор множества беллетристических и публицистических произведений на иудейские сюжеты. Главным эстетическим трудом Спира была кни-

ти, Флориана-Парментье⁶¹, антология Лансона⁶², Мандрин⁶³, Вейсье⁶⁴, три тома *Vie des Lettres*⁶⁵, восемь номеров *Soirée de Paris*⁶⁶ (личная антология переводчика Германа Гендриха, Брюссель⁶⁷).

га «Поэтическое и мускульное удовольствие: Очерк развития поэтических техник» (1949). Спир (Спиро) – вариант бытовавшей в иудейской среде фамилии Шапиро (от городка Шпайер в Германии или от арамейского *шафира* «красивый»), откуда личное имя *Шифра*, см. ветхозаветную книгу: Исход 1:15, и фамилия *Шифрин*).

⁶⁰ Тристан Дерем (псевдоним Филиппа [Х]юка, 1889–1941) – французский поэт, основатель «фантазийной школы» поэтов, мастер лирической поэзии, наполненной сочувствием и тонким юмором.

⁶¹ О Парментье см. примечание 117.

⁶² Густав Лансон (1857–1934) – французский литературовед и литературный критик, занимавшийся историей французской литературы XVI–XVIII вв. Вероятно, речь об изданном им собрании писем XVIII-го в. (1909).

⁶³ Вероятно, имеются в виду материалы о знаменитом французском контрабандисте Луи Мандрене (1725–1755), вышедшие под редакцией французского историка Франца Функа-Брентано (1862–1947) в 1910 г.

⁶⁴ Робер Вейсье (1883–после 1923) – французский поэт и драматург. Вероятно, имеется в виду сборник его «симфонических песен» «Дрожания» (1911).

⁶⁵ Парижский альманах «Литературная жизнь», выходивший под редакцией поэта Николая Бодюэна (1880–1960) и ряда соредакторов в 1913–1926 гг.

⁶⁶ «Парижские вечера» – литературно-художественный альманах, выпускавшийся в 1912–1914 гг., до начала Первой мировой войны, кружком четырёх поэтов и писателей: Андре Билли (1882–1971), Андре Сальмоном (1881–1969), Рене Дализом (псевдоним Рене Дюпони дез Илетта, 1879–1917) и Андре Тюдеком (1883–1925), который сформировался вокруг самого известного члена группы, поэта Гийома Аполлинера (1880–1918).

⁶⁷ Герман Гендрих (?–?) был автором переводов французской лирики на немецкий язык, который выходили в журнале Бал ля *Die Aktion* в 1913 г. Не имеет от-

1914 г.

Берлин, ноябрь

Я теперь читаю Кропоткина, Бакунина, Мережковского. Четырнадцать дней пробыл на границе. В Дьёзе видел первые солдатские могилы. В недавно обстрелянном форте Манонвиллера⁶⁸ я нашёл на развалинах потрёпанный том Рабле. Потом я поехал сюда, в Берлин. Всё-таки хотелось бы понять, постичь. То, что сейчас разразилось, – это гигантский бездушный механизм и сущий дьявол. Идеалы – лишь прищипленные этикетки. Всё пошатнулось до самого основания.

* * *

П.⁶⁹ и самый ближний круг его редакции – убеждённые противники войны, не желающие своей стране победы. Они явно знают больше, чем человек, который прежде не занимался политикой. Почему страна не должна защищаться и

ношения к художнику Герману Гендриху (1854–1931).

⁶⁸ Дьёз и Манонвиллер находятся на северо-востоке Франции, в Лотарингии.

⁶⁹ Франц Пфемферт (1879–1954) – немецкий издатель и публицист, основатель журнала *Die Aktion*, одним из авторов которого был Хуго Балль. (Прим. переводчика.)

бороться за своё право? Откровенно говоря, мне тоже всё больше и больше кажется, что Франция и прежде всего Бельгия могут претендовать на это право, и мой патриотизм не настолько велик, чтобы я одобрял войну, к тому же войну за нечто несправедливое.

* * *

Кант – это главный враг, к нему тянутся все ниточки. Со своей теорией познания он все предметы видимого мира выставил на потребу разуму и знанию. Прусское государственное право он возвысил до разума и категорического императива, которому всё должно быть подчинено. Его высшая максима гласит: разумное основание должно быть принято априори; оно непоколебимо. *Это казарма в её метафизической силе.*

Разрыв Ницше [с предыдущей традицией] – это хорошо. Ведь нельзя же сказать, что и он в конце концов образумился. Он скорее растерял разум из-за тьмы, в которую впутался. Никак не философ классического склада (для этого он слишком избыточен и неточен). Но он первый, кто разрушил все разумные основания и разделался с кантианством.

Согласно Кропоткину (из его биографии), всё благо и спасение исходит от пролетариата; дескать, если бы его не было, его надо было бы придумать. Его система взаимной помощи опирается на крестьян, пастухов и рыбаков, которых он как географ видел в степях и пустошах России. Позднее он жил среди часовщиков и шлифовальщиков линз для очков, в швейцарском кантоне Юра. Это люди, обладающие точным зрением, в отличие от наших современных фабричных рабочих. Но всегда остаётся верным утверждение, что человек, который борется за своё существование и за улучшение своего положения, обладает более жёсткой волей, имеет более ясную цель и как раз поэтому и более человеческие мысли.

25. XI

Нигилисты призывают к рассудку (а именно, к своему собственному). Но как раз с принципом рассудка следует покончить, на основании высшего разума. Слово «*нигилист*» означает, кстати, меньше, чем в нём звучит. Оно означает: ни на что нельзя положиться, со всем надобно порвать. А *кажется*, что это значит: ничто не должно уцелеть. Они хотят школы, машины, рациональное хозяйство, всё то, чего в России ещё нет, но чего у нас на Западе погибельно и избы-

точно много⁷⁰.

* * *

Следует предоставить такой труд бессознательному – доказывать, как далеко может зайти разум. Следовать скорее инстинкту, чем намерению.

* * *

Политика и рационализм стоят в неприятной взаимосвязи. Может быть, государство – главная опора разума и наоборот. Всякая «политическая необходимость», в той мере, в какой она нацелена на норму и реформу, утилитарна. Государство лишь предмет потребления.

* * *

Гражданин в наши дни – тоже предмет потребления (для государства).

* * *

Также и поэт, философ, святой должны стать предметами

⁷⁰ Балль здесь рассуждает о русских нигилистах-материалистах.

потребления (для бургера). Как говорит Бодлер: «Если поэт испросит у государства права держать у себя в конюшне нескольких буржуа, все очень удивятся, а вот если буржуа попросит себе на обед зажаренного поэта, все воспримут это как должное»⁷¹.

* * *

Мы использовали метафизику для чего только было можно. Чтобы приготовить на свой вкус *казарму* (Кант). Чтобы возвысить «Я» над всем миром (Фихте). Чтобы подсчитывать прибыль (Маркс). Но с тех пор, как люди докопались, что такие «метафизики» по большей части были лишь математическими фокусами их изобретателей и сводились к простым, часто даже скучным фразам, метафизика сильно упала в цене. Сегодня я видел крем для обуви под названием «Вещь в себе». Почему метафизика лишилась уважения? Потому что её сверхъестественные установки можно было объяснить слишком естественно.

* * *

Даже демоническое, которое до сих пор нас так сильно

⁷¹ Шарль Бодлер, Стихотворения. Проза, сост. О. Дорофеев, «Фейерверки» пер. Е. Баевской, М. 1997 г. (Прим. переводчика.)

влекло, теперь еле тлеет, вялое и пресное. *Весь мир нынче стал демоническим.* Демоническое теперь не выделяет модников в обыденной жизни. Теперь уже *впору быть святым*, если хочешь и впредь выделяться из толпы.

4. XII

Бакунин (Биография, написанная Неттлау⁷², послесловие Ландауэра⁷³).

На его начала повлияли: Кант, Фихте, Гегель, Фейербах (протестантская философия Просвещения).

Чем больше он знакомился с французским характером, тем больше отходил от немцев.

Недоброжелательный нрав Маркса показал ему, что революции нечего ждать от этого круга «филистеров и педантов».

Ему пришлось самому создавать себе все средства и помощников. Повсюду Бакунин был неудобной помехой для местных «демократов», не давал им мирно почивать.

Его собственная деятельность лежала в области конспи-

⁷² Макс Неттлау (1865–1944) – немецкий анархист и историк анархизма. (Прим. переводчика.)

⁷³ Густав Ландауэр (1870–1919) – немецкий писатель, идеолог социализма и анархизма. В ранний период занимался переводом на немецкий язык художественной литературы с английского, а также, будучи философом по образованию, исследованием европейского мистицизма, который интерпретировал в рационально-атеистическом ключе как близкое Спинозе учение о растворении Бога в природе.

рации, то есть он пытался привлечь «живые силы» из разных стран для общей деятельности.

Бакунин имел дело только с самыми решительно сочувствующими ему кругами. В Лондоне – с Мадзини⁷⁴, Саффи⁷⁵, Луи Бланом⁷⁶, Таландье⁷⁷, Линтоном⁷⁸, Холиоком⁷⁹, Гарридо⁸⁰.

⁷⁴ Джузеппе Мадзини (1805–1872) – итальянский политик-республиканец, идеолог либеральных реформ, активист итальянского национально-освободительного движения.

⁷⁵ Аурелио Саффи (1819–1890) – итальянский политик республиканского толка, соратник Джузеппе Мадзини, активист итальянского национально-освободительного движения.

⁷⁶ Луи Блан (1811–1882) – французский журналист, историк и политик социалистического (в ранние годы – социал-утопического) толка, участник французской революции 1848 г.

⁷⁷ Альфред Таландье (1822–1890) – французский муниципальный чиновник и редактор, известный своим сочувствием левым кругам, упомянутый как номинальный член революционной организации Бакунина. В поздние годы отстранён от государственной службы и избран депутатом от социалистов.

⁷⁸ Уильям Джеймс Линтон (1812–1897) – английский книжный иллюстратор, считавшийся мастером гравюры по дереву, а также писатель и публицист республиканского толка.

⁷⁹ Джордж Холиок (Холиоук, 1817–1906) – английский публицист, идеолог «светской мысли» – секуляризма (термин введён им в оборот в английский язык) и рабочего кооперативного движения. Редактор журналов «Здравомыслец» (1846–1861) и «Английский лидер» (1861–1867). Холиока считают последним в Европе Нового времени человеком, заключённым под стражу за «богохульство» (атеистические высказывания).

⁸⁰ Фернандо Гарридо Тортоза (1821–1883) – испанский писатель и публицист социалистических взглядов, противник испанской монархии. Автор множества книг и редактор журналов социалистического толка. В Испании неоднократно

Элита должна была привести несознательные массы к самосознанию и солидарности (главное направление его усилий 1864–1874 годов).

Религиозному патриотизму (Мадзини) он противопоставлял атеистический интернационал и предпочитал опираться на «люмпен-пролетариат», чем принимать существующее положение дел и с ним иметь дело.

Восстание в Лионе поколебало его веру в революционные инстинкты и страдания пролетариата.

* * *

Свобода, которую он имел в виду, по его собственным словам, не является «той формальной свободой, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж. Ж. Руссо, и всеми другими школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, что всегда и

осуждался, жил в политической эмиграции в Париже, Лиссабоне и Лондоне. Не стоит путать Фернадо Гарридо с колумбийским политическим деятелем Рохасом Гарридом (1824–1883).

неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида»⁸¹.

* * *

Атеизм, который Маркс и Бакунин несут в интернационал, и у русских, следовательно, является – *немецким подарком*.

* * *

Ни одна последовательная мысль не могла обрести популярность, не побывав перед этим философской идеей.

* * *

Духу по сердцу не *масса*, а *форма*. Но форма должна проникнуть в массу.

* * *

Возмущение материалистической философии нужнее

⁸¹ Отрывок из труда революционера и теоретика анархизма Михаила Бакунина (1814–1876), которого Балль часто вспоминает на протяжении книги, «Парижская Коммуна и понятие о государственности» (1871).

возмущения народных масс.

12. XII

«Царь и революция» Мережковского⁸² даёт представление о религиозной проблеме в России. Существенно здесь следующее:

Все выдающиеся поэты и философы XIX века – от Чаадаева до Соловьёва – богословы. Бакунин, кажется, единственное исключение.

Они сопоставляют требования социальной революции с устройством византийского православия.

Бунтуя, они ссылаются на Новый Завет. Они рассматривают его как революционную книгу. Сын восстаёт на Отца.

Они понимают Христа как нигилиста. Как сын, как бунтарь, он должен выдвинуть антитезы.

Их конфликт с православием напоминает известные явления XVI-го века, например, Мюнцера⁸³, с той разницей,

⁸² Антимонархический сборник статей «Царь и революция» (1907) под редакцией русского писателя Д. С. Мережковского (1865–1941), в следующем году вышедший в переводе на немецкий язык.

⁸³ Томас Мюнцер (1489–1525) – немецкий проповедник, идеолог теократии в ветхозаветном духе (в советской исторической науке считался близким социал-утопистам), современник и соперник Лютера, вдохновитель антифеодального крестьянского восстания в Германии (казнён после разгрома его ополчения регулярными войсками саксонских князей). Был ненавидим и Лютером и католической церковью. Сердцу Балля Мюнцер был дорог (см. запись от 26-го сентября 1917 г.), так как, ратуя за социальные реформы, в отличие от Лютера, не стал

что Реформация провозгласила авторитетной человечность Христа, тогда как русские видят в Христе вочеловечившееся божество, распятое органом [земного] единовластия.

Местами (так имеет место у Чаадаева, у Достоевского, Соловьёва, Розанова) выступает попытка новой интерпретации догм. Большинство этих бунтарей, собственно, еретические учителя церкви.

* * *

Позиция Мережковского и его друзей изощрённая и, разумеется, также непопулярная. Сомнительно, можно ли сделать их мысль убедительной для широких кругов общества. Ведь ещё вопрос, не является ли «*богословский* переворот» делом внутренне противоречивым? Последние слова Иисуса на кресте: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой»⁸⁴.

Как бы то ни было: иерархическое отношение Отца и Сына здесь хорошо выработано и продуктивно. На Западе плодотворности уже не получается, скорее снова оживают борьба против веры и последние сомнения в ней.

Большое различие: в России царь вот уже сто лет как зверь Апокалипсиса. Здесь же зверем считается народ, и так с ним и обращаются.

В практическом плане *мережковиты* оказываются несо-

причиной церковного раскола.

⁸⁴ Евангелие от Луки. 23:46. (Прим. переводчика.)

стоятельны. «Не убий», – внятно и ясно говорится в пятой заповеди. Они же нескончаемо обсуждают заповедь и повторяются. Они в принципе хорошо знают, на что натываются, но дальше всё равно не идут. Они – теологические Гамлеты⁸⁵.

* * *

В Чаадаеве есть что-то от нашего Шопенгауэра. Только он набожнее и не так оторван от мира. Он написал книгу «Некрополис»⁸⁶, в которой погребаёт всю Россию как в городе мёртвых. Царь велел объявить его сумасшедшим.

13. XII

Только теперь я начинаю понимать театр. *Театр – это тирания, которая благоприятствует развитию актёрских способностей.* Масштаб «Театра» [в социальной жизни] всегда *обратно пропорционален* уровню общественной морали и гражданской свободы. Россия имела, до войны, блистательный театр, и Германия от России в сей сфере почти не отставала. Это указывает в обеих странах на некоторое

⁸⁵ По смыслу: вечно сомневающиеся и не решающиеся на поступок.

⁸⁶ Отсылка к «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева. В первом из «Писем» место его «отправки», Москва, названа Некрополем («городом мёртвых», так как их автор считал Россию провалом в мировой истории).

истощение искренности и неподдельности из-за внешнего принуждения. *Кто склонен к искреннему исповеданию веры, тот не может быть актером.* А где не исповедуют веру, там актёров много.

* * *

Только до предела испытанная мысль, которая знает искушения и сопротивление, только та мысль, которая детально изложена и воплощена, только она поистине наличествует.

* * *

Если хочешь найти себя, надо себя потерять.

14. XII

Встреча с Густавом Ландауэром. Исхудавший пожилой мужчина с редкой бородкой, в шляпе с пологими полями. От него исходило что-то пасторально мягкое. *Предпоследнее* поколение. Социалистические теории как пристанище для благородных натур. Впечатление как от человека, отжившего свой век. Он советует не уезжать, а остаться. Он верит в «биологическое» развитие немца. Приглашает навестить его в Гермсдорфе.

Вечером у П.⁸⁷ Он называет Ландауэра «политиком, которого испортил эстет». Говорит, что у него не вышло бы «пробиться среди немцев»⁸⁸. Но что в Германии есть только три анархиста, и он один из них. «Человек умный, образованный, с которым раньше было небезопасно иметь дело». Теперь он пишет театральную критику для «Биржевого курьера» и издаёт, как бы между делом, газету «Социалист».

1915 г.

Новый Год

На балконе переводчицы книг Маринетти мы на свой манер устраиваем демонстрацию против войны. Наша акция заключается в том, что мы кричим с балкона в ночную немоту большого города и телеграфных проводов: *A bas la guerre*⁸⁹! Отдельные прохожие останавливаются. Некоторые освещенные окна открываются. «Счастья в Новом году!» – кричит кто-то с той стороны. Беспощадный колосс – Берлин – высовывает макушку из железобетона.

⁸⁷ Пфемферг (см. примечание 69).

⁸⁸ Ландауэр происходил из семьи иудейского вероисповедания. Его отец торговал обувью.

⁸⁹ Долой войну! (фр.) (Прим. переводчика.)

12. II

В Доме Архитекторов с несколькими друзьями – «Поминки по павшим поэтам». Не хотели давать объявление, потому что в числе поминаемых был и один французский⁹⁰. Четверо из выступавших громогласно заявили, что поминаемые умерли *не вдохновляющей* смертью. Они умирали, осознавая, что жизнь прожита бессмысленно; за исключением разве что Пеги⁹¹.

11. IV

Меня всё ещё занимает театр, а ведь это всё уже совсем не имеет смысла. Кто же захочет теперь играть спектакли или даже смотреть их? Но китайский театр не такой, как европейский; это можно утверждать даже в теперешнем положении дел, когда льётся кровь.

Драма даосского учения уводит в мир магии, который часто принимает марионеточный характер и постоянно нарушает единство сознания в духе сновидения.

Если генерал получает приказ идти в поход в дальние провинции, то он три или четыре раза марширует по сцене под ужасный шум и удары гонга, под барабаны и трубы и потом

⁹⁰ Германия в это время воевала с Францией.

⁹¹ Шарль Пегй (1873–1914) – французский поэт, драматург. (*Прим. переводчи-ка.*)

останавливается, чтобы сообщить публике, что он на месте.

Там, где драматург хочет растрогать или потрясти публику, там он велит перейти на пение.

В «Небесной пагоде»⁹² святой человек с песней хватается за горло владыку преисподней и душит его под драматическое наращивание темпа.

Слова песни не имеют значения, куда важнее ритмические закономерности.

Героизм оставляет души холодными. Воодушевление им чуждо, а энтузиазм – это вымысел.

Волшебный фарс – это философская драма китайцев (совсем как у нас теперь).

* * *

С театром у меня так же, как у человека, которому неожиданно отсекают голову. Человек покуда на ногах и даже делает несколько шагов. Но потом падает и остаётся лежать за-мертво.

22. IV

«Призыв к социализму» (1912) Ландауэра абстрагирует-

⁹² Китайская анонимная драма эпохи Юань, изложение сюжета которой приведено в крупном справочнике «Современный Китай», вышедшем по-французски в 1853 г.

ся от времени и стремится пробудить интерес к идее. Там, где он обрисовывает контуры, проступает схема (всеобщая стачка, отчуждение собственности, меновая торговля, высшее счастье). Расчёт сделан, но в отсутствие хозяина⁹³. Но ведь идеи хотят быть чем-то бóльшим: они хотят обладать земным измерением.

«Есть христиане, *рабочие*, пребывающие в *рабстве*, и условия их труда вопиют к небесам»: так возвещал социализм лет восемьдесят назад. С тех пор государство как верховный предприниматель кое-что сделало, чтобы помочь беде, а философия усердно помогала разрушать христианство. Чем больше всего случалось с обеих сторон, тем меньше пролетарий выражал склонность идти на баррикады ради идеологии. «Лучше быть жирным рабом, чем тощим пролетарием» – такой девиз сегодня мог бы стоять в какой-нибудь партийной газете.

Во всех социалистических системах витает сомнительная уверенность Руссо, согласно которой земному раю препятствует только испорченное общество.

Но пролетариат – *это не Руссо*, а осколок варварства в сердце современной цивилизации. И уже не «осколок варварства» с исповеданием веры и религиозным строем жизни, по крайней мере в Германии, а обезбоженное варварство, потворствующее разложению, как раз потому и поскольку,

⁹³ То есть: руководить его воплощением некому.

что пролетариат – *то, что народилось*⁹⁴.

Чего можно ждать в таких обстоятельствах от пролетарской революции? *Ещё более примитивной жизни, по меньшей мере?* Ландауэр голосует в своём раю за оседлость (крестьянство, поселения, земледельческие коммуны).

* * *

Заострить взгляд на масштабе личности, действительном и возможном.

12. V

«Вечер экспрессионистов» в зале Гармонии⁹⁵; первый такого рода в Берлине.

«По сути дела, это был протест *против* Германии за Маринетти». (Фоссише Цайтунг⁹⁶)

Нет, это было *прощание*.

⁹⁴ Игра с прямым значением латинского *proles*, стоящего в оригинале («потомство»), к которому восходит слово *proletarius* «неимущий гражданин Древнего Рима, дающий государству только потомство (*proies*)», вошедшее в новоевропейские языки со значением «неимущие люди, рабочий класс».

⁹⁵ Берлинский адрес: *Steglitzer Strasse 35*. (Прим. переводчика.)

⁹⁶ Старейшая берлинская газета, основана в 1704 году. Названа по имени издателя Фосса. (Прим. переводчика.)

Цюрих, 29. V.15

Странно, оказывается, люди не знают, как меня зовут⁹⁷. Приходят чиновники и наводят справки. Уже в Берлине, да же в кругу друзей начали считать моё настоящее имя псевдонимом. «А как тебя, собственно, зовут?» – спросил меня однажды Х[юльзенбек]⁹⁸. Не захотели поверить, что кто-то может быть таким беспечно прямолинейным, не позаботившись перед этим о сохранении собственного реноме.

* * *

Л. Р.⁹⁹ тоже здесь. Только что приехав, я встретил его с женой на террасе кафе. Благоухали липы, а отель был освещенной крепостью. Мы, может быть, подружимся. Одна-единственная весенняя ночь раскрывает людей глубже, чем все прочитанные книги. К сожалению, весеннюю ночь по своей прихоти не повторишь.

⁹⁷ Балль при въезде в Швейцарию сменил имя, опасаясь преследования за уклонение от военной службы на родине.

⁹⁸ Поэт, друг Балля, см. запись от 11-го февраля 1916 г.

⁹⁹ Людвиг Рубинер (1881–1920) – немецкий поэт, литературный критик, представитель экспрессионизма. Его супруга, упомянутая в следующем предложении – Фрида Рубинер (см. запись от 18-го марта 1917 г.).

Город хорош. Мне особенно понравилась Набережная реки Лиммат¹⁰⁰: Лимматкай. Я могу ходить по этой набережной туда и сюда много раз, и всё равно она будет мне нравиться. Чайки тут не искусственные и не чучела, они взаправду летают, прямо посреди города. Большие циферблаты башенных часов у воды, прибрежные рестораны с их зелёными окнами – всё это красиво и добротно. Это настоящее. Безразлично, останусь я здесь или нет. Здесь, должно быть, ещё остались люди, у которых есть время, которые ещё не «подневольны спешке»; они сделаны не из бумаги и ветра, пересекаются с жизнью, и их интересы смешаны с судьбой. Атмосфера города мне подходит; я не нуждаюсь ни в каком общении, ни в каком прямом соприкосновении. Я могу здесь чувствовать себя так же «дома», как эти старые башенные часы и как швейцарец с рождения.

11. VI

Брупбахер¹⁰¹ говорил о России перед пятьюдесятью или шестьюдесятью эмигрантами. Доклад вызвал единогласное

¹⁰⁰ Река, протекающая через исторический центр Цюриха.

¹⁰¹ Фриц Брупбахер (1874–1945) – швейцарский врач, социалист-либертарианец, писатель. (*Прим. переводчика.*)

неодобрение во время дискуссии. Его назвали романтическим. Дескать, Брупбахер увидел крестьянскую, «дохозяйственную», фантастическую Россию и усмотрел благо в противоположности этой России американскому Западу. Говорили, что его взгляд примитивный и детский. Так, мол, видит русские вещи гимназист; без систематического, интеллектуального подхода. У меня вызвало некоторое сочувствие то, что людей возмутил его непринуждённый тон.

Когда человек его масштаба предпринимает такое далёкое путешествие, он должен видеть другие вещи, не в пример мечтательному деревенскому старосте или даме света (а то и полусвета), которая ищет себе дорожных приключений. Это всё равно что проехать по Померании и на этом материале рассуждать о Германии. Он забыл про публику, перед которой выступал: люди, которые во сне уже висели на виселице и пережили расстрел¹⁰². Его доклад, прочитанный эмигрантам, неизбежно должен был вызвать неприятие. Русские имели право принять Брупбахера в штыки. Так поступили все без исключения – в недвусмысленной, но учливой форме. Другой вопрос, что думать об их взглядах. Они сплошь марксисты, то есть противоположность романтикам. Одно это со всей ясностью показал этот вечер – уже немало.

¹⁰² Подразумевается: чудом уцелели, бежав за границу от царских репрессий.

* * *

Будучи закоренелыми марксистами, эти новоприбывшие русские – германофилы. Поскольку так мыслит вся эмиграция, а во главе их стоят значительные интеллектуалы, надо быть готовым к тому, что Россия будет исподволь менять свои расчёты.

13. VI

Дискуссионный вечер в Зоннэкке: «Отношение рабочего к продукту своего труда». Все признают, что не имеют отношения к продукту, произведённому ими. Вот один человек, который работал у Маузера; из года в год изготавливал оружие. Для Бразилии, Турции, Сербии. «Только когда явились торговые посредники, которые получали оружие, причём турецкий и сербский в один и тот же день, нас это заинтересовало. С тех пор у нас было такое чувство, что с нами не по правде обходятся, но работали дальше». Другой – контролёр банкнот: «Когда работаю, больше всего досадно, что не доверяют. Сидишь за решёткой до самого потолка, едва можешь пошевелиться, и сразу замечаешь: тебя просто используют». Ответ на вопрос, заданный некоторым, что бы они делали охотно, если бы у них был выбор: «Погоду». «Изобрёл бы метод, как за полчаса попасть в Константинополь».

«Изобрёл бы кнопку, которая разом бы всё давала». «Кнопку, какая всё сама делает, даже нажимать не надо бы». Коротче: никто бы не работал, но все изобретали бы машины. Богоравный изобретатель, вот их идеал, потому что он достигает наибольшего результата при наименьшем приложении сил. Брупбахер как-то говорил о Толстом, что надо поселиться на земле (жить в унисон с природой, самостоятельно изобретать производительные приборы, благо для всего человечества). Для меня благодаря этому всему прояснилось: враждебность социалистической программы по отношению к «работающим головой» нимало не основана на психологических фактах. Ничем не ограниченный творец – идеал искусства и религии, тоже. Низкая оценка тех, кто «работает головой» – пункт в повестке [реформ], выдвигаемый на первый план далёкими от жизни учёными, неповоротливыми бюрократами и полубездарными поэтами, которые включили в политическую программу – «освободиться от труда и за себя отомстить». Тем, кто «трудится головой», пролетарии обязаны не только своей программой, но и своим успехом.

15. VI

Анархисты выдвигают в качестве высшего принципа пренебрежение к закону. Против закона и законодателей любые средства хороши и дозволены. Быть анархистом, та-

ким образом, означает целиком и полностью отменять устав. Предпосылка – это вера Руссо в природную доброту человека и в врожденную порядочность саму по себе, присущую его природе. Всё сверх этого (управление обществом, руководство им) – это как олицетворение зла. За бюргером, обычным гражданином не признаются почётные права. Он противоестествен. Он – результат отрыва от корней, выкидыш полицейского государства, которое его ещё больше портит. С такой теорией весь небесный свод философии государства рвётся на куски. Звёзды идут зигзагом. Бог и чёрт меняются ролями.

* * *

Себя я проверил точно. Никогда бы не стал приветствовать безвластие, бросать бомбы, взрывать мосты и не смог бы *отменять смыслы*. Я не анархист. Чем дольше и дальше я буду отдалён от Германии, тем *меньше* я им буду.

* * *

Анархизм возникает из-за перенапряжения или вырождения государственной идеи. Он проявляется особенно ярко там, где индивидуумы или классы, которые выросли в идиллических условиях, тесно связанных с природой или рели-

гией, закрыты на строгий государственный замок. Превосходство таких индивидуумов над машиной и шестерёнками неповоротливой громады современного государства лежит на поверхности. Что касается природной доброты человека: она хотя и возможна, но далеко не закон. Большинство черпает эту доброкачественность из более или менее осознанного богатства религиозного воспитания и традиции. Природа, если рассматривать её без предубеждения и сентиментальности, давно уже не так безусловно добра и упорядочена, как хотелось бы. В конце концов, глашатаи анархизма (о Прудоне не знаю, а о Кропоткине и Бакуanine это известно) были крещёные католики, а в случае русских помещики, то есть сельские «лендлорды» – плод дурного общества. И теория анархистов покуда питается таинством крещения и трудом на земле.

16. VI

Анархисты знают государство лишь как монстра, а нынче, может быть, и нет другого государства. Если это государство всё дальше отходит от реальной жизни или призывает уйти от неё, тогда как его экономическая и моральная практика находится в явном противоречии с этим, то понятно, что человек, ещё неиспорченный жизнью, начинает бушевать. Теория безусловного разрушения государства как оплота велеличивости может стать вопросом личной порядочности и хо-

рошего чутья на неподдельность или позёрство. Анархистские теории вскрывают замаскированное в прочные слова вырождение нашего времени. Метафизика видится в качестве мимикрии, которой современный бургер пользуется, чтобы, подобно прожорливой гусенице, под прикрытием свисающих (газетных) листьев опустошать всю культуру.

* * *

Как учение о единстве и солидарности всего человечества анархизм есть вера в то, что все люди на этом свете – дети божьи, вера также в продуктивную высшую выгоду раскрепощённого мира. Если подсчитать моральную неразбериху, катастрофические разрушения, к которым всюду привели централистская система и систематизированный труд, то ни один разумный человек не станет отрицать утверждение, что какая-нибудь примитивная община с южных морей, предающаяся лени в непринуждённом состоянии или работающая, превосходит нашу хвалёную цивилизацию. Пока, конечно, рационализм, а с ним и его квинтэссенция, машина, еще прогрессируют, анархизм будет идеалом для катакомб и для монахов, но не для массы, заинтересованной и подверженной влияниям, какова уж она есть и каковой, предположительно, останется.

Последовательные анархисты очень редки или вообще невозможны. Может быть, вся эта теория существует лишь временно, пока её не «отзовут», и усиливается или хиреет – в зависимости от противодействия ей государства. Основательно изучены «анархистские движения в Швейцарии»¹⁰³. Всё обследование не выявило ничего, кроме мистификации. Портной, сапожник, бондарь хотели разрушить общество. Чаще всего достаточно уже одной мысли, чтобы потерять самоконтроль. Ощущаешь себя посвященным в ужасные тайны, окружённым кровавым нимбом. Безобидное повседневное существование приобретает опасное значение. Этого и достаточно; ничего больше делать не нужно.

17. VI

От Бьянкарди несколько номеров журнала *Réveil*¹⁰⁴. И

¹⁰³ В 1885 г. президент Швейцарии Карл Шенк (1823–1895) получил анонимное письмо с угрозами. Хотя его автор, анархист Вильгельм Хуфт, был арестован вместе с группой предполагаемых сообщников, никаких улик о настоящем заговоре (обещанном в письме «оружии») не было обнаружено.

¹⁰⁴ «Анархическое пробуждение» (*Le Réveil Anarchiste/Il Risveglio anarchico*) – журнал социал-анархического и либертарианского толка, выходивший на итальянском и французском языке в 1900–1946 гг. в Женеве под редакцией итальянского анархиста Луиджи Бертони (1872–1947). После его смерти журнал сменил название и программу. Не стоит путать журнал Бертони с двумя одноимёнными

Бьянки хочет заказать мне из Италии книгу, которая ориентирует меня по [тамошним] партиям. Они провожают меня часть пути до дому. «Хоть плачь день и ночь», – говорит Биа¹⁰⁵. Его отец – торговец цветами в Сан-Ремо. Деликатная профессия. Сам он несколько раз бывал в Лейпциге; там живёт его невеста. «У немцев, – говорит он, – нет никаких чувств; даже у девушек». Каватини (у них говорит за всех).

20. VI

Моё мышление пробивает себе путь в антитезах. Я хотел было сказать, что всё мышление так и продвигается вперёд, но нахожу, что есть ещё и другая возможность: *вникать*. В каждом человеке заложено стремление к высшему. Вопрос лишь в том, чтоб суметь проникнуть к этой искре так, чтобы не сносить стены, удушающие и гасящие её. С точки зрения социологии человек – это ороговевшее создание. Когда разрушаешь его скорлупу, то можно невзначай разрушить и ядро.

ми журналами, выходившими в Париже на французском языке: в 1868–1871 гг. издававшимся журналистом, членом Парижской коммуны, Шарлем Делеклюзом (1809–1871) и несколько месяцев в 1881 г. – врачом и биологом, многолетним депутатом от социалистов, генерал-губернатором Французского Индокитая, Жаном-Мари де Ланессаном (1843–1919).

¹⁰⁵ Дружеское сокращение (от «Бианки»?).

Ницше напал на церковь и оставлял государству одно основание: самое себя. Это было чудовищной ошибкой. В конце концов, он сам был сыном прусского пастора и носил имя в честь короля не без значения и умысла. Так и сказал это в *Ecce homo*, на первой же странице¹⁰⁶. С уймой этих хитрых деталей устои Германии действуют сложно и запутанно. Надо избегать того, чтобы множить опустошения духа. Со-рокачасовая молитва к Гёте: будь ласков к этим тонкостям.

21. VI

Я размышлял о памфлетистах. Они ненасытные существа. Атакуют ли они душу (как Вольтер), женщину (как Стриндберг) или дух (как Ницше): всегда их отличительный признак – ненасытность. Их прототип – всеми поносимый маркиз де Сад (которого я читал в Гейдельберге и которого теперь снова вспомнил). Он осуществляет свои памфлеты и фактически. К этому у него чуть ли не призвание.

¹⁰⁶ Ницше рассказывает, что его отец, протестантский пастор, «был преисполнен глубокого благоговения перед прусским королём Фридрихом-Вильгельмом IV, от которого и получил церковный приход; события 1848 года чрезвычайно опечалили его. Я сам, рождённый в день рождения названного короля, 15 октября, получил, как и следовало, имя Гогенцоллернов – Фридрих Вильгельм» (здесь и далее приводим цитаты из этой работы в переводе Ю. М. Антоновского).

Памфлетист одновременно и чернит, и пренебрегает. Пренебрежение придаёт ему сил. Он влюблён в чрезвычайное, причём до суеверия, до абсурда. Весь свой дух он применяет для экзальтирования своей страсти. Там, где идеал отказывает такому любовнику, он раздражается поношениями. В случае маркиза де Сада: тот заваливает Бога и мир своими упрёками и сарказмом. В ярком противопоставлении он констатирует заурядность естественных и сверхъестественных взглядов, показывает «убожество» идей, установок, законов. Раз он сопоставляет границы дерзости с воображаемой возможностью, то пренебрегает тем, что ему предлагает действительность. И он жесток, поскольку любит страсть в любом облики и именно там, где она поистине причиняет страдание; ведь именно в состоянии боли чувство уже не терпит подделки. Человек – в этом он убеждён – живёт очень скрытно; гораздо более скрытно, чем он может и хочет признаться. И надо выявить истинную, сокрытую страсть человека или признать, что нет вообще никаких страстей.

* * *

Можно было бы рекламировать печально известного маркиза как полного антипода учтивому Руссо. Он исправляет тезисы последнего о природной доброте и добродетели. Хотя это и звучит напыщенно, но хочется сказать, что он не такой искуситель, как Руссо. Но он в любом случае свободнее;

свободнее от сантиментов и от иллюзий. В качестве философа Руссо скорее вдохновенный идеолог, чем циник. Ницше вывел такой тип во многих своих трудах.

26. VI

Война зиждется на одной вопиющей ошибке. Человека путают с машиной. А надо бы обезглавить *машины*, а не людей. А если когда-нибудь машины сами будут ходить строем, тогда всё будет путём. И тогда весь мир будет по праву ликовать, если они примутся громить друг друга.

30. VI

Бертони (в *Réveil*¹⁰⁷) совершает ту же ошибку, что и Ландауэр. Он борется с программой, а не с личностью. А в такие времена следует прежде всего быть живым человеком. Воевать не с абстракциями и доктринами, в которых каждый подразумевает что-то своё и это требует множество неясных слов; а с заметными персонами и событиями. Достаточно одной фразы, тут не нужно целой системы.

* * *

Революция как искусство ради искусства меня не привле-

¹⁰⁷ См. примечание 104.

кает. Я хочу знать, куда ведёт дело. Если я полагаю, что жизнь хочет законсервироваться для того, чтобы *сохраниться*, то я консерватор.

* * *

Что-то в мире подгнило и завяло. В том числе и экономические утопии. Недостаёт широко разветвлённой конспиративной сети – надёжно укрытой вечной юности, которая берёт под свою защиту всё благородное.

I. VII

Прудон, отец анархизма, кажется, был первым, кто понимал, что значит – следовать избранному стилю. Мне любопытно что-нибудь из его работ почитать. Потому что если однажды ты узнаёшь, что «плясать надо было от слова», стиль начинает хромать, избегая имён нарицательных, и теряет концентрацию. Отдельные части фразы, а то и отдельные буквы и звуки опять обретают свою автономность. Может быть, языку как раз и даровано продемонстрировать абсурдность этой доктрины – *ad oculos* [наглядности].

* * *

Уже пора бы предоставить процесс выработки языка

ка самому языку. Критика разума должна отступить; делать громкие заявления стало бы дурным тоном; то же самое касается и всякого сознательного распределения акцентов. Равновесия ожидаемо не получилось бы, стройность зависела бы от порыва. Ни в коем случае не действовали бы традиция и закон. Мне кажется, это не просто: последовательному анархисту согласовать личность и доктрину, стиль и убеждения. И всё-таки идеалы должны быть единым целым с личностью, которая им следует; стиль автора должен отображать его философию, и без того, чтобы он её специально развивал.

* * *

В принципе, это приключение, в котором я по-настоящему не участвую. Никогда в игре не были задействованы все мои силы, всегда только часть. Я зритель, я занимаюсь этим лишь дилетантски. Как должно выглядеть дело, в котором я участвовал бы душой и телом? Со всеми моими многообразными интересами по части красоты, жизни, мира, и со всем моим любопытством к тому, что по противоположную сторону баррикад?

3. VII

По случайности мне в руки попала мудрёная книга:

«*Saurapurānam*» (краткий очерк шиваизма, автор д-р Ян¹⁰⁸). Я нахожу, что в ней мои «фантастические» наклонности ошеломительным образом подтверждаются и упрочиваются.

Между тем, язык некоторых разделов книги, прославляющих Шиву как *атмана*¹⁰⁹, возвышается до лишаящего чувств опьянения заумными оборотами, полностью исключёнными из сдержанного «равновесия» разумного мышления и мировоззрения.

Обитель Шивы – на поле, усеянном трупами, и он носит на голове венец из покалеченных трупов.

Он в состоянии менять свой образ произвольно, для него это игра¹¹⁰. И даже боги не могут опознать Шиву.

Он – утолитель печалей, его тело состоит из высшего блаженства.

Почитание его выражается изменением нормального состояния голоса, глаз, частей тела (то есть через конвульсии

¹⁰⁸ Книга немецкого индолога Вильгельма Яна (1873 – после 1922), который в 1909–1918 гг. (с перерывом на службу во флоте) преподавал в Цюрихе: «Саурапурана. Краткий очерк истории культуры Древней Индии и шиваизма (*Das Saurapurānam: ein Kompendium spätindischer Kultur-geschichte und des Śivaismus*)» (1908), его диссертация на степень почётного доктора индологии, опубликованная в виде монографии в Страсбурге. Она представляет собой переведённую и снабжённую примечаниями «Саурапурану», одну из шиваистских «малых пуран», вероятно, названную в честь «солнечной» (*саура*) школы почитания бога солнца Сурьи.

¹⁰⁹ Индивидуальное «Я».

¹¹⁰ Развитое в шиваизме представление о священной игре (санскр. *лила*) божества.

и судороги, через экстаз).

Двадцать один ангел сопровождают к вышней обители даже преступника, который принесёт Шиве свою жизнь в жертву.

«Прозрение, слух, обоняние, зрение, вкус, осязание. Вот шесть *препятствий* для живого существа»¹¹¹ (то есть, и прозрение тоже).

Трудами Шива не покоряется.

Мир явлений ничтожен и построен [силой иллюзии] *майя*. Поэтому учащие об истине на самом деле – учителя *майя* (учителя иллюзии).

* * *

Я замечаю, что не могу вести *для меня* отвратительные (то есть политически-рационалистические) исследования, если не буду то и дело прививать себя [от рассудочности], одновременно занимаясь иррациональными вещами. Всякий раз, когда мне нравится политическая теория, я боюсь, что она – *фантастическая, утопическая, поэтическая* и я с нею всё-таки остаюсь внутри своего «эстетического круга», то есть я ею одурачен.

¹¹¹ Отсылка к фрагменту из «Саура-пураны» в переводе Вильгельма Яна, повествующем о шести препятствиях (*вигна*, что у Яна передано по-немецки как *Widerwärtigkeit*), стоящих на пути аскета-йогина и относящихся к его чувствам и способностям, одним из которых является дар прозрения (*пратибха*).

8. VII

Бакунин, «Парижская коммуна и понятие о государственности»¹¹². Я хочу выделить несколько ключевых пунктов и прокомментировать их.

1. Партию порядка он определяет как «официального представителя привилегированного меньшинства, в интересах которого отстаивать все религиозные, метафизические, политические, юридические, экономические и социальные гнусности, настоящие и прошедшие, имеющие целью – держать людей в невежестве и рабстве».

(Против партии порядка было бы, возможно, меньше возражений, если бы ещё действовала иерархия ценностей, в которой партия порядка занимала бы подчинённое положение. Но старая иерархия поколеблена, а новой нет в наличии. Партия порядка претендует в Европе на высший ранг, который сегодняшнее сознание может предоставить.)

2. «Государство в целом есть подобие обширной бойни или огромного кладбища, где незаметно, в тени, и прикрываясь этим отвлеченным нечто, этой абстракцией, с притворным сокрушением, приносятся в жертву и погребаются все лучшие стремления, все живые силы страны».

(Это сочтут преувеличением. Но с тем, что государством

¹¹² Михаил Бакунин. Избранные сочинения. Том IV, Книгоиздательство «Голос труда», Петербург-Москва, 1920. (Прим. переводчика.)

покалечены все, привыкнув требовать от него самую малость и деградируя, не поспоришь.)

3. «Если во вселенной царит гармония и закономерность, то это только потому, что вселенная не управляется по какой-либо системе, заранее придуманной и предписанной высшей волей. Теологическая гипотеза божественного законодательства ведет к очевидному абсурду и к отрицанию не только всякого порядка, но и к отрицанию даже самой природы».

(Здесь встаёт вопрос, что есть закон и существуют ли божественные законы. Такие законы всё-таки, пожалуй, являются теми истинами, с которыми человечество стоит на твёрдой почве или падает, процветает или гибнет. Если какая-то истина объявляется божественной, то ею устанавливается незыблемая необходимость на благо человечества. Подобные истины принадлежат к сути, к биологии человека так же, как физические органы. Они образуют духовный хребет, так я думаю...)

9. VII

Маринетти шлёт мне *Parole in libertà*¹¹³ – с сочинением своим, Канджулло¹¹⁴, Буцци¹¹⁵ и Говони¹¹⁶. Это прямо-таки

¹¹³ Сборник произведений четырёх футуристов (см. ниже), вышедший в Милане весной 1915 г. и названный по литературному приёму Маринетти (ит. «слова на свободе»), отца так называемого паролиберизма.

¹¹⁴ Франческо Канджулло (1884–1977) – итальянский поэт, художник, актив-

чистые буквенные плакаты; одно такое стихотворение можно развернуть как географическую карту. Синтаксис пошёл вразнос. Буквы разорваны, и собираешь их с трудом. Языка больше нет, вещают литературные звездочки и верховные пастыри. Язык надо сперва заново найти. Распад до самой сердцевины процесса творения.

* * *

Писать надо только фразы, где не к чему прицепиться. Фразы, способные выдержать любую иронию. Чем лучше фраза, тем выше её ранг. Исключая рискованный синтаксис или сомнительные ассоциации, мы сохраняем сумму того, что составляет вкус, такт, ритм и мелодику, стиль и гордость писателя.

14. VII

Согласно Флориану-Парментье¹¹⁷ (*Histoire de la poésie*

ный деятель футуристического движения. (Прим. переводчика.)

¹¹⁵ Паоло Буцци (1874–1956) – итальянский писатель, один из основателей футуризма, сподвижник Маринетти. (Прим. переводчика.)

¹¹⁶ Коррадо Говони (1884–1965) – итальянский лирик и романист. В начале своей деятельности примыкал к футуризму, но скоро от него отошёл. (Прим. переводчика.)

¹¹⁷ Флориан-Парментье (1879–1951) – французский писатель, поэт, искусствовед, журналист. (Прим. переводчика.)

*française depuis 25 ans*¹¹⁸) со времён Руссо «сенсация» стала всемогущей. Писатели ищут страсти вместо того, чтобы их скрывать. Это указывает на большое отчуждение и оскудение; на отчаянные усилия видеть себя подтверждённым, привлечь к себе внимание. И почему это так? *Parceque la démocratie refuse les moyens d'existence à l'écrivain, parcequ'elle encourage le monstrueux mandarinat des journalists*¹¹⁹.

16. VII

Слово брошено на произвол судьбы. Оно жило среди нас.

Слово стало товаром.

Пусть они оставят слово в покое.

Слово потеряло всякое достоинство.

28. VII

Две новые главы романа. Что я говорю:

Глава 1. Маленькие части по четыре-пять страниц, в которых я на свой манер веду языковое хозяйство и пытаюсь при этом сохранить остаток весёлости. Одна из частей озаглавлена «Карусельная лошадка Иоганн». Воображаемый персо-

¹¹⁸ Неточная отсылка к книге Парментье «Литература и эпоха: История французской литературы с 1885 г. и до наших дней» (1914).

¹¹⁹ Фр.: «Потому что народовластие лишает писателя средств к существованию, потому что оно поощряет „казённую“ систему допуска к власти журналистов, [пишущих на злобу дня]».

наж, который сам иронизирует, говорит в ней:

«Многоуважаемый господин Фойершайн! Ваше конфедерированное природное парнишество нам не импонирует. А ещё ваша взятая напрокат киношная драматика. Но одно слово для объяснения: мы фантасты. Мы больше не верим в интеллект. Мы пустились в путь, чтобы спасти от сброда то животное, которому достаётся всё наше почтение».

31. VIII

На мне поставили печать времени. Это произошло не без моего содействия. Временами я тосковал по нему. Как же это называется в «Фантастах»? «Нас отпустили в ночь и забыли подвесить нам гири отягощения. Конечно же, мы теперь парим в воздухе».

* * *

С экономическим заговором войны меня познакомил Делэзи («Грядущая война»¹²⁰). Теперь я понимаю, почему маленькая страна Бельгия так важна для всех участников войны. Для Германии Антверпен означает новый, более короткий выход к морю; для Англии – прямую угрозу её побережью. Сама Бельгия обладает богатой угольной промыш-

¹²⁰ Книга французского писателя, экономиста и профсоюзного деятеля Франсиса Делэзи (1873–1947) «Грядущая война» (1911).

ленностью и металлургией, и во Францию пехоте можно беспрепятственно пройти из Фландрии широким фронтом, тогда как линия Рейна загорожена горами и крепостями.

* * *

В Женеве я был беднее рыбки. Я больше не мог передвигаться. Я сидел у озера неподалёку от рыбака с удочкой и завидовал рыбам из-за приманки, которую он бросал им в воду. Я мог бы прочитать рыбам проповедь на эту тему. Рыбы – таинственные существа, их бы не стоило убивать и есть.

* * *

Сдержись, не причиняй вреда родному чаду,
Не выполняй угроз ужасных. Коль прольёшь
Сыновнюю ты кровь, меня ты обречёшь
За то, что я твою не удержала руку¹²¹.

(Расин)

¹²¹ Жан Расин. Трагедии. Изд. «Наука», Новосибирск, 1977. (Прим. переводчика.)

IX

Надо отвыкать от лирических чувств. Это бестактно – в такое время блистать ими. Самые обыкновенные приличия требуют, самая скромная вежливость предлагает – человеку держать свои сантименты при себе. Куда бы это привело, если бы каждый рылся своими пальцами у другого в сердечной ямке? Слава Богу, мы ещё не настолько бесстыдны, чтобы петь церковные гимны на рыбном рынке.

* * *

Это ошибка – верить, что я *нахожусь*. Просто я вежлив и предупредителен. Все мои усилия уходят на то, чтобы убедить самого себя в реальности собственного существования. Когда коммивояжёр продаёт мне пару подтяжек, он улыбается самодовольно и недвусмысленно. Моя робкая манера речи, мои неуверенные движения уже давно выдали ему, что я «художник», идеалист, нечто призрачно-воздушное. Если же я сяду на стул, а тем более, когда бываю где-то на людях, я сам уже издалека вижу себя – сидит призрак. Любому мало-мальски крепкому и смелому бургеру я кажусь подозрительным и донельзя податливым. Поэтому я избегаю показываться им на глаза.

15. IX

Когда-то была в сердце Европы страна, в которой бескорыстной идеологии, казалось, готовилось «уютное местечко». Конец этой мечты не простится Германии. Основательнее всех истреблял идеологии в Германии Бисмарк. В него упираются все обиды. Он нанёс удар по идеологии и в остальном мире.

18. IX

Разлом [культуры] приобрёл чудовищный размах. И ссылаться на старую идеалистическую Германию тоже больше нельзя, то есть надо остаться совсем без почвы. Ведь набожная, просвещённая протестантизмом Германия времён Реформации и Освободительных войн¹²² являет собой авторитет такой силы, что о нём можно сказать – разрушил и смутил Царство антихриста. Вся эта цивилизация была, в конечном счёте, лишь видимостью. Она владела умами академического мира так сильно, что растлила и народные низы; ибо народ тоже проглотил слова Бетмана про «нужду, которая не ведаёт закона»¹²³; да и протестантские пасторы были

¹²² Войны Пруссии и Австрии против Наполеона, подготовившие объединение Германии Бисмарком.

¹²³ В августе 1914 г., после начала Первой мировой войны, премьер-министр Пруссии Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921), выступая в Рейхстаге, за-

надёжными защитниками и толкователями этих бесчестных лозунгов.

20. IX

Я могу помыслить себе время, когда однажды буду искать послушания *так же*, как сполна вкусил неповиновения: *до самого предела*. Я уже и самого себя больше не слушаюсь. Всему мало-мальски оправданному, всякому благородному волнению я отказываюсь внимать; настолько недоверчив я стал к собственному происхождению. Подумать только, я готов признаться: я стараюсь отвыкнуть от собственной немецкости. Разве не сидит в каждом из нас прочно казарма, протестантизм, безнравственность, независимо от того, осознаём мы это или нет? И тем глубже, чем меньше мы это осознаём?

25. IX

Философия, которой генералы пытаются обосновать своё дело, это огрублённое издание Макиавелли. Примечательные вокабулы языка управления и, к сожалению, не только языка управления, восходят к затхлому идеалу Ренессанса: «право сильного», «нужда, которая не подчиняется прика-

явил: «Господа, мы в состоянии необходимой самообороны, а необходимость не ведаёт закона!» (*Meine Herren, wir sind jetzt in der Notwehr; und Not kennt kein Gebot!*).

зу», «место под солнцем» и тому подобное. Но макиавеллизм обанкротился. Макиавеллистов называют их истинным именем; поминают параграфы законов против них. Макиавеллистские войны в старой Европе больше не удаются. Существует, вопреки всему, народная мораль. Высказывание Фридриха II: «Когда князья хотят войны, они её начинают и призывают старательного учёного-правоведа, который докажет, что это правильно»¹²⁴, как раз оно вызывает сейчас решительный отпор.

* * *

Каково должно быть у человека на душе, как ему жить, когда он чувствует свою причастность к произошедшему? И неумолимо склоняется к мысли, что он ответственен за все авантюры, весь клубок проблем и преступлений? На чём держаться существу, фантастическое «Я» которого, кажется, только для того и создано, чтобы вобрать в себя и выстрадать все противоречия, всё возмущение этих разобщённых сил? Если язык воистину делает нас королями нашей нации, то без сомнений это мы, поэты и мыслители, виновны в этой кровавой бане и должны искупить свою вину за неё.

¹²⁴ Этот афоризм прусского короля Фридриха Великого (1712–1786) есть в собрании его документов под редакцией Давида Эрдмана Прейса (1785–1868).

Цюрих, X.1915

Прошло два дня, и мир приобрёл другое лицо. Я живу теперь в переулке Грауэнгассе, и меня зовут Гери¹²⁵. В театре такое называется превращением, перестройкой.

Странная птица, гнездо которой меня приютило, называется «Фламинго». Она со своими растрёпанными крыльями владеет маленькой квартиркой, которая вечерами вновь и вновь преобразуется. Здесь цветёт египетское волшебство, и сонник лежит на ночных столиках тех, кто днём блуждает с закрытыми глазами.

* * *

Снять с себя «Я» как дырявое пальто. То, чего не удержать как следует, надо сбросить с себя. Есть люди, которые абсолютно не переносят отдавать своё «Я». Они мнят, что оно у них только в одном экземпляре. Но у человека много «Я», как у луковицы много шелухи. Одним «Я» больше, одним меньше, не имеет значения. До сердцевины шелухи ещё достаточно. Удивительно видеть, как человек увязает в своих предрассудках. Он переносит горчайшие муки, только чтобы не отдать себя. Нежнейшая, сокровеннейшая суть чело-

¹²⁵ В Цюрихе Балль получил новые документы и новую «личность», найдя работу пианистом в водевильной труппе «Фламинго».

века, должно быть, очень чувствительна; но, без сомнения, она и самая чудесная. Немногие приходят к такому взгляду и к этой догадке, потому что опасаются за ранимость своей души. Этот страх перекрывает им благоговение.

* * *

Тот философ, который с фонарём искал человека, преуспел в этом куда больше, чем мы нынче¹²⁶. Ему не задули ни его фонарь, ни его собственный свет. Люди обладали забавным благодушием – позволить ему продолжать поиск.

3. X

Твёрдо налаженная, убедительная, приличная жизнь в известные времена оказывается под вопросом. Это не ново. Но может дойти до того, что сомнительность считается аттестатом и доказательством честного поведения. Так что лучше эти измерения разделять. Авантюрист – всегда дилетант. Он доверяет случайности и полагается на свои силы. Он ищет не познаний, а подтверждения своего превосходства. Едва встав на ноги, он ставит жизнь на кон, но надеется уйти невредимым. Иное дело с любопытным, с денди. Он тоже ищет опасности, но не шутит с ней. Он воспринимает её как

¹²⁶ Диоген Синопский (см. «О жизни, учениях и изречениях философов» Диогена Лаэртского, VI, 41).

загадку, он хочет в неё проникнуть. То, что ведёт его от одного переживания к другому, не прихоть, а последовательность мысли и логика духовных фактов. Приключения денди записываются на счёт его жизни; переживания авантюриста, напротив, исходят от произвола и записываются на его собственный счёт. Можно также сказать: авантюрист опирается на идеологию случайности, а денди на идеологию судьбы.

* * *

Городской житель, хозяин дома, где я живу, мучается жёлудком, потому что выпил слишком много керосина из бронзовой лампы. Чтобы выдохнуть пламя длиной три метра, пришлось пить керосин. Но почему надо было извергать огонь? Ведь он спокойно мог бы предоставить это вулкану Стромболи или ещё какому-то из многочисленных вулканов. Я ходил с ним в аптеку. Он слишком честолюбив. Он хочет иметь дело с ужасным. Охотнейше был бы Иваном Грозным. Страсти людей вовсе не так велики, как нам кажется. Чёрт не так уж крепко вошёл в их плоть и кровь с рождения, как нам видится. В большинстве случаев чёрт «надувается», чтобы внушать ужас. Можно получить репутацию даже сатанизмом. Сатанисты всех времён были не столько злы, сколько честолюбивы.

4. X

Я склонен соотносить свои личные переживания с переживаниями нации. Усматривать в этом известную параллельность я считаю почти делом чести. Пусть это будет причуда, но я бы не мог жить без убеждения, что в моей личной судьбе представлено сжатое выражение всего народа. Даже если бы мне пришлось признать, что я – один среди уличных разбойников, то никакая сила в мире не смогла бы убедить меня отречься от них, они так и оставались бы мне земляками, среди которых я живу. Печать моей родины я ношу так прочно, что чувствую себя окружённым ею со всех сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.